
Марина Ветрова ✦ Ольга Шиллинг
Предательство жениха.
Ты подарил ей мамино кольцо,
а шейх подарил мне новую жизнь!

Ольга Шиллинг

Предательство жениха. Ты подарил ей мамино кольцо, а шейх подарил мне новую жизнь!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Предательство жениха. Ты подарил ей мамино кольцо, а шейх подарил мне новую жизнь! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

В день свадьбы я пришла в белом платье и увидела жениха под руку с другой. Артём женился тайком, подарил новой супруге мамино кольцо, присвоил бабушкин ковёр и мой контракт на реставрацию.Пять лет любви оказались выгодной сделкой, в которой мне не досталось ничего.Без денег и дома я осталась одна в Марракеше. Но могущественный Керим аль-Рашид заметил мою работу и предложил защиту.В его доме я снова взялась за иглу, раскрыла тайну поддельных ковров и доказала собственную ценность.Теперь предатель умоляет вернуться. Только сердце больше не принадлежит ему.И один опасный, гордый мужчина готов нарушить ради меня все семейные правила.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебное платье 5
Глава 2. «Пока не проснулась» 8
Глава 3. Крыша Медины 11
Глава 4. Золотая клетка 14
Глава 5. Первый ковёр 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Марина Ветрова, Ольга Шиллинг Предательство жениха. Ты подарил ей мамино кольцо, а шейх подарил мне новую жизнь!

Глава 1. Свадебное платье

Фату надела сама: мамы не было, подружки остались в Москве. Сидела перед зеркалом в съёмной комнате над лавкой тёти Розалии, вдевала булавку в складку — спокойно, без дрожи. А под рёбрами дрожало тонко, как струна, на которую наступили пяткой.

Платье шила три месяца. Своё, не покупное. Шёлк цвета слоновой кости, спина закрыта, но по косой пущена одна-единственная нить — красная, от плеча до лопатки, почти незаметная. Артём как-то сказал: «У тебя всё в нитках, Вер. Даже душа». Тогда рассмеялась. Много смеялась за наши пять лет: сначала в Москве, последний год — в Марракеше, пока он делал нам имя, торговал коврами и обещал:

— Вот-вот, Вер. Вот поставка, вот контракт с холдингом шейха — и тогда, Вера, тогда свадьба.

Свадьба случилась. Моя. В пять вечера, в рийаде на улице красильщиков, где стены белые, как снятое молоко, а над ними висят связки шёлка — синие, гранатовые, шафрановые, сохнут и пахнут краской и жаром.

Вышла из такси за углом — в платье, по камням, в туфлях на каблуке, и мальчишки у лавки засвистели, и старуха в хиджабе похлопала в ладоши. Шла на свою свадьбу. Тридцать один год, приехала через море за любовью, как дура из романов, — и всё-таки шла, и сердце стучало: сейчас, сейчас, сейчас.

Дверь рийада была распахнута настежь.

Внутри уже гремела музыка. Не та, которую я заказывала, — другая, чужая, с барабанами и женским голосом, тягучим, как мёд. Вошла во двор, где обычно сохли мои образцы, а теперь стояли столы, ломившиеся от апельсинов и жареного миндаля, и сновали гости — незнакомые женщины в алых кафтанах, мужчины в белом, и всё было красиво, богато, празднично — и всё было не моё.

— Прошу, проходите! — Молодой человек с чаем подскочил ко мне, развернул поднос. — Невеста ещё переодевается, но церемония скоро!

Невеста.

Стояла в свадебном платье посреди чужой свадьбы, стыдясь фаты, желая спрятать её за спину. Женщина рядом со мной охнула — и не одна. Звук пошёл волнами: гости поворачивались, уже шептались за соседним столом.

И тогда двери внутреннего покоя открылись, и вышел Артём.

Мой Артём. Тридцать пять лет, красивый темноволосый, с той улыбкой, от которой я однажды забыла собственный адрес. Белый костюм. В белом. В свадебном.

А под руку он вёл её.

Высокая, голые локти, алый рот — Лея Ковач, торговка из Касабланки, которую я видела дважды и оба раза она смотрела на меня, как на старую обивку, которую пора сменить. На ней было платье цвета расплавленного золота. На её пальце, поверх белой перчатки, блестело кольцо.

Узнала бы его из тысячи. Мамино. Оно досталось мне, а два года назад отдала его Артёму «на хранение», когда у него кончились деньги на склад. Тогда он закрыл коробочку, убрал в стол:

— Хранить, Вер, до свадьбы. До свадьбы, Вер.

— Вера. — Он остановился в трёх шагах, придерживая Лею под локоть. Говорил скучающе, и это было хуже крика. — Ты рано. Церемония, вообще-то, в шесть.

— Церемония? — Губы у меня онемели, и слова выходили странные, чужие. — Какая церемония, Артём?

Он повернулся к Лее. Она улыбнулась — запомню навсегда — и сняла перчатку с кольцом медленно, наслаждаясь. Надела мамино золото на голый палец. Кольцо сверкнуло.

— Сегодня утром, в присутствии совета, мы оформили наш брак. — Лея расправила перчатку, отдала Артёму. Голос ледяной и гладкий, как мрамор. — Вы, конечно, извините. Но приглашения вам никто не высылал.

Двор качнулся. Кто-то из женщин прижал ладонь к губам. Мальчик с подносом застыл с чайником в воздухе.

— Пойдёмте, я вам всё объясню, — Артём взял меня за локоть, поворачивая к выходу. Его пальцы знала, целовала, засыпала на его плече — теперь хотелось стряхнуть прикосновение вместе с тканью. — Не здесь. Не устраивай сцену.

— Сцену? — Попробовала освободить локоть, опустила взгляд на белые перчатки до локтя, на бутоньерку из апельсинового цвета: приколола утром, глядя на море на экране телефона. — Артём, у меня под фатой голова. Я ехала сюда выходить за тебя замуж. Через весь город. В этом платье.

И тут за Артёмом открылся ковёр.

У дальней стены, под тентом, среди подарков — свёрнутый, но знакомый до последнего узелка: бабушкин.

— Бабушка его ткала два года. Мама берегла через две квартиры и один пожар. А сюда, в Марракеш, привезла его как сердце. Моё приданое, Тёма. — Попыталась обойти Артёма, потянулась к рулону. — Для нашего дома. Для комнаты, где будет колыбель.

Он был обвязан подарочной лентой. Золотой. С биркой.

— Это подарок от новобрачных. — Какая-то женщина подмигнула соседке, прикрыла улыбку бокалом, и двор захихикал.

Выдернула локоть, отступая от Артёма. Перчатка осталась у него в пальцах — я потом так и видела её всю свадьбу, белую, смятую, в его кулаке.

— Контракт. — Зажала пряжку сумочки, придвинулась к нему. Говорила шёпотом: в ушах гудело. — Контракт на реставрацию коллекции шейха. Мой контракт. Где он?

— А… — Артём почесал бровь, заслонил подарки. Всегда так делал, когда врал; сотни раз видела и сотни раз верила. — Тут вышла накладка. Оформление шло через семейную структуру, а семейная структура теперь… — он кивнул на Лею, — новая. Юристы говорят, проще перезаключить. Ты уж не в обиде, Вер, это формальности.

— Формальности? Бабушкин ковёр — формальность? Мамино кольцо — формальность? — Прижала сумочку, обвела взглядом гостей. — Моя жизнь — формальность. Разобрала её, как старый стул, перевезла через море — и это формальность.

— Мадам, вам, наверное, тяжело. — Лея наклонила голову, прижалась к Артёму; качнулись тяжёлые золотые серьги. Почти нежный голос. — Но вы же понимаете: Артёму для сделки с холдингом нужен был человек семейный, основательный, с положением. Вы… ну, вы понимаете. Реставратор. Руки в краске. Не тот уровень входа.

— Уровень входа. — Повторила и отступила от неё.

— Не тот уровень. — Она поправила ворот Артёма, стряхнула соринку — терпеливо, как с ребёнком, которому запретили трогать утюг.

— Хорошо. — Сняла фату медленно, сама, дрожащими — вот теперь задрожали — руками и положила на чужой праздничный стол, прямо на горку апельсинов. — Свадьба у вас. Ковёр у вас. Кольцо у вас. Контракт у вас. Всё у вас. Я пойду.

— Вер, подожди, — Артём шагнул за мной, протянул руку. — Слушай, ну не драматизируй. Мы же можем по-человечески… Ты вообще-то живёшь в моей квартире. Ну, то есть уже, получается…

— Получается, в твоей. — Обошла стол, оставляя его между нами. — А то, что в ней моё, — считай тоже твоим. Как всегда.

Шла через двор в свадебном платье, и музыка стихала за моей спиной, и шёпот провожал меня до самой двери. Мальчик с подносом — единственный, кто двинулся мне навстречу, — придержал тяжёлую резную створку и прошептал что-то на своём языке, мягкое, жалобное.

На улице уже зажигались фонари. Пахло краской, жаром и апельсинами — и всем этим пахла моя несостоявшаяся свадьба.

Дошла до угла, села на чужое крыльцо, сняла туфли и заплакала взахлёб, размазывая тушь по щекам, пачкая ею белый шёлк, — так плачут в тридцать один год, когда выясняется, что пять лет были реквизитом в чужой сделке.

А потом полезла в сумочку — за платком — и не нашла кошелька.

Перевернула сумочку на колени, раздвинула подкладку. Пудреница. Щётка. Мой пинцет для нитей, обмотанный синей изолентой. Платок. Билеты туда-обратно, которые я держала на всякий случай в кармашке, —

Кармашек был пуст. Раскроенный, надорванный — кто-то вытряхивал.

Сидела на крыльце в свадебном платье без фаты, без туфель, без денег и без билетов, в чужом городе на краю пустыни, и над Мединой поднималась луна — круглая, яркая, безразличная.

А из распахнутой двери рийада за моей спиной лилась музыка. Играли на моей свадьбе. И, кажется, веселились от души.

Глава 2. «Пока не проснулась»

К рийаду вернулась через десять минут. За вещами, не сдаваться.

— Мне нужен мой чемодан. Просто пропустите на десять минут. — Втиснула ступни в туфли, встала перед стражем. — Там иглы, пяльцы, лупа на штативе. Исторические нити, десять лет собирала по музеям и частным коллекциям. Семнадцать лет шла к профессии, понимаете? Ушла из реставрационной мастерской в Москве с репутацией, а не с деньгами. Всё настоящее, что есть, в этом проклятом чемодане.

Меня пропустили. Даже с каким-то неловким, извиняющимся поклоном — люди, в общем-то, не были злыми. Злым было устройство мира, по которому приходилось идти обратно во двор, к столам, мимо женщин в алых кафтанах, которые замолкали при моём приближении.

Артём стоял у внутренней арки, один. Лея исчезла — переодеваться к ужину, что ли. Он увидел меня и сделал шаг навстречу, и на секунду — на одну короткую, коварную секунду — в его лице мелькнуло что-то живое. Виноватое. Старое.

— Вер. Пойдём, чайку… тут у них мятный потрясающий…

— Не надо чая, Тёма. — Села на резную скамью напротив, подобрала подол: ноги кончились. — Скажи мне одну вещь. Ты женился сегодня утром. Когда ты решил?

Он долго молчал. Взял с подноса финик, повертел, положил обратно.

— Вер, ты же взрослая женщина. Пять лет вместе. Ты знаешь, как у меня с деньгами. Ты знаешь, что холдинг аль-Рашида — это вход во весь рынок. А у них правило: с семейными работают, с одиночками — нет. Одинокий торговец для них — человек без корней, без чести. Кому он продаст?

— Ты мог жениться на мне. Мы собирались. У нас была дата. У нас были приглашения. — Придвинулась, потянулась к нему.

— Дата была в будущем. — Он убрал финики, поставил передо мной пустую чашку. — А сделка была сегодня. Пока не проснулась — решилось. Извини.

— «Пока не проснулась»? Так просто? Так нежно — сюрприз любимой женщине? — Уперлась в стол, подалась к нему. — Ты же три ночи не спал, помогал дособрать мне лекции. Хороший, тёплый, смешливый, мой Артём. А теперь сидишь чужой, холодный продавец. Предателем себя даже не чувствуешь. Сделку удачно закрыл.

От этих слов стало страшнее. Всё ещё ждала, что он возразит.

— Лея. Она хоть знает, что ты её любишь? — Отодвинула чашку, подняла на него глаза.

— Вер, при чём тут любовь. — Артём усмехнулся коротко, без веселья, и отвернулся к пустой арке. — Это партнёрство. Она с положением, с роднёй в совете у красильщиков, с деньгами. Я — с именем и складом. Взаимно.

— А я что? Я при чём тут? — Оперлась о стол, заглянула ему в лицо.

— А ты… ты поняла всё неправильно. — Он вздохнул, наклонился через стол, объясняя очевидное. — Мы жили, Вер, и было хорошо. Но это другое. Ты же не могла дать мне вход. А контракт на реставрацию — вот, смотри, даже тебе хотел оставить, но юристы сказали: всё в одной корзине, чище так. Коллекция шейха — это же война тысячелетняя, там половина полотен на грани. Ты бы справилась, но имя на контракте теперь её. Ну и ладно, ты же работаешь руками, тебе какая разница, чья подпись.

— «Тебе какая разница, чья подпись»? Пять лет со мной прожил и ни разу меня не увидел. — Смотрела на пальцы, растирала подушечку: до сих пор щипало от иглы, от утренней примерки подкладки. — Удобный интерьер видел. Тёплый свет, вкусный ужин, тихие руки. Интерьер продал вместе с коврами.

— Чемодан. Мой инструмент. Верни, и уйду. Мы в расчёте. — Встала с сумочкой под мышкой, повернулась к лестнице.

— Да возьми, конечно. — Он махнул служащему у лестницы и показал наверх. — Ты в которой комнате жила, во второй? Он уже наверху, я распорядился. Только, Вер, есть момент.

Моментов, как выяснилось, было три.

— Квартира на мне. Сегодня передаю её под склад новой семейной структуры. — Он перегородил путь, усадил меня обратно. — Можешь пока пожить у тёти Розалии.

— У неё и так племянник-студент ютится. А мне куда? — Опустилась на скамью, подоткнула подол. — Год там прожила, Тёма.

Второй момент касался моей спонсорской визы.

— Документы через меня, приглашающая сторона — Сомов. При перерегистрации сегодня утром аннулировались. — Он поставил чашку на блюдце, отодвинул к подносу. — Не я виноват, Вер, так вышло при перерегистрации.

— Целый год по этим документам жила. Теперь месяц, чтобы уехать или найти нового спонсора? — Расстегнула сумочку, защёлкнула пряжку. — Без работы и денег откуда он возьмётся?

Артём промолчал. Другого спонсора можно было разве что выдумать.

Третий момент — деньги.

— Тогда рассчитайся. Путевые, расчётные, деньги за консультации на твоём складе. — Загнула палец, посмотрела на него. — Год работы. Ты обещал «отыграть», пока всё «висит в балансе».

— Пока висит, Вер. — Он убрал блюдце, потянул поднос к себе. — Сейчас ничего нет.

Висели. Как ковёр на стене.

— Ты обокрал меня. — Выговаривала медленно, по слогам, упёрлась ступнями в камень, вцепилась в сиденье. Самой стало страшно. — По-белому. По документам. Через юристов. Ты обокрал меня так аккуратно, что у меня даже украсть нечего — уже всё украли, а я сидела и вышивала.

— Ну зачем так… — Он поморщился, отвернулся к гостям. — «Обокрал». Мы взрослые люди, Вер. Всё было прозрачно. Ты просто не читала бумаг.

Бумаг не читала. Читала его лицо. Пять лет.

Из-за арки выплыла Лея — в новом платье, гранатовом, со сменившейся причёской — и встала рядом, положив ладонь Артёму на плечо. Владельчески.

— Мадам, вам помочь с вещами? — Она убрала ладонь с его плеча и освободила проход к двери. — Карета, так сказать, подана.

И она улыбнулась. Эту улыбку никогда не забуду: издеваться ей было уже незачем. Ей было всё равно — как хозяйке, выносящей коробки.

— Не нужно. Свой чемодан донесу сама. Это, кажется, всё, что у меня осталось моего. — Приняла чемодан у служащего с лестницы и поднялась.

Тяжёлый чемодан с инструментом потянул плечо — родная, честная тяжесть, единственное честное во всём этом доме. Прошла мимо стола, где уже рассаживались гости, мимо бабушкиного ковра, который так и лежал свёрнутым, с золотой лентой и биркой — и на ходу, не останавливаясь, прочла бирку.

«Коллекция семьи Ковач-Сомов. Подарок совету красильщиков».

Даже бабушку он продал. Даже её.

На пороге обернулась — не ради него. Запоминала двор, чтобы потом, годами, когда накроет «а вдруг я всё придумала, а вдруг он не такой», вспомнить всё до мелочи. Свечи. Апельсины. Гости в белом. Мужчина в белом костюме, который даже не встал мне вслед.

Женщина в гранатовом подняла бокал мне — жестом, который у людей значит «за знакомство».

Вышла за порог. Дверь за мной закрыли — тяжёлая, резная, с медными кольцами — и звук у неё был окончательный, как крышка.

На улице стемнело. Фонари горели, пахло жареными каштанами, где-то за стеной кричал ночной базар. Стояла с чемоданом в руке, в свадебном платье, в одной туфле — вторую потеряла на камнях у порога, — и честно пыталась придумать, что делать.

Идти некуда. Тётя Розалия — единственная из его мира, кто меня любил, — жила у себя в лавке за базаром красильщиков, но идти туда в платье и в одной туфле означало завтра же стать историей, которую Медина расскажет к утру. В посольство — с одним паспортом, без остальных бумаг и денег, через город, в котором даже нужной улицы не знаю. Телефон разрядился на вызове такси — оставался один процент.

Один процент. Включила экран, набрала тётю Розалию по памяти — её номер единственный помнила наизусть, мамин почему-то вылетел из головы, — прижала телефон к уху:

— Тётя Роза, это Вера, я на углу улицы красильщиков, я…

И всё.

Экран умер. Голос в трубке оборвался на моём имени.

Села прямо на ступеньку закрытой двери, обняла чемодан и стала смотреть на луну. После пережитого в ушах стояла глухая тишина. Отстранённо проверила, дышу ли: ткань на груди едва шевелилась. Жива. А дом остался за закрытой дверью, с чужой женщиной возле моего места.

А потом из распахнутого окна рийада над головой донёсся смех — женский, звонкий, чуть пьяный, и голос Леи, отчётливый в ночном воздухе:

— …а она пришла в фате, представляешь? В фате! Я чуть не умерла, клянусь…

И второй смех — тонкий, женский, ещё чей-то, — и звон бокалов.

Сидела под окном собственной свадьбы, и чужое счастье сыпалось на меня сверху, как крошки со стола.

Хорошо, что тогда не знала двух вещей. Первое: что мужчина, чью коллекцию я когда-то спасла от варварской чистки, был в этот самый вечер в двадцати минутах отсюда и уже слышал странные новости о свадьбе торговца Сомова.

И второе: что смех, падающий на меня сверху, стоил смеявшимся в итоге гораздо дороже, чем один свадебный вечер.

Но это было потом. А той ночью на улице красильщиков было темно, холодно и очень тихо — и оставалось сидеть, держа в руках семнадцать лет своей жизни в одном чемодане.

— Долго же ты. — Женщина над моей головой свесила ногу с карниза и наклонилась, заглядывая мне в лицо.

Подняла глаза. На низком карнизе возле ступеней сидела с ногами сухая женщина в сером — позже узнала: Мириам, экономка рийада через два двора. Разглядывала деловито, как сломанные часы: ещё идут или уже выкинуть.

— Мне некуда идти. — Подтянула чемодан, освободила рядом ступеньку. Говорила по-французски: другого общего языка у нас не было.

— Это я вижу. — Она подобрала подол серого платья и переставила ногу на ступень. — Вопрос — надолго ли. У нас в Медине не любят, когда чужие сидят на порогах. Плохо для бизнеса.

— У меня нет бизнеса. У меня нет ничего. — Положила сумочку на чемодан, прижала локтём.

Мириам спустилась — ловко, как девочка, хотя ей было под шестьдесят, — встала надо мной и посмотрела долгим взглядом. Потом взялась за ручку моего чемодана, потянула к себе.

Глава 3. Крыша Медины

— Вставай. — Мириам сдвинула чемодан со ступени, поставила на мостовую. — Ночлег есть. Полы у нас, правда, мыть никто не любит.

Так началась моя вторая жизнь в Марракеше — с чужого порога, с собственного чемодана и с пола, который надо было мыть за право спать на крыше.

Рийад Мириам стоял через два двора от моей несостоявшейся свадьбы — худшее место на земле. Утром оттуда доносились голоса. Вечером долетала музыка. До бывшего дома можно было докричаться — а хотелось зажать уши так сильно, что болели зубы.

— Сто пятьдесят дирхамов в неделю, — Мириам открыла кладовую без окна и отодвинула мешок с лавандой от тюфяка. Здесь хранились её запасы мыла. — Плюс работа. Лестницы, полы, посуда на кухне, когда поварихе надо к детям. Согласна?

— Согласна. — Поставила чемодан возле тюфяка, расправила подол. — Но платить нечем.

— Отработаешь. Тогда вот тебе фартук и ведро. — Она сняла фартук с гвоздя и вложила в ведро. — И запомни: кто жалуется — вылетает. У меня восемь постояльцев и ноль жалости.

Мириам было около шестидесяти, лицо напоминало старую карту. Она работала быстрее и лучше любой из нас, а жалость презирала почти с религиозным усердием. За первую неделю стало ясно: меня подобрали ради дешёвого труда. Лучшего тогда со мной произойти не могло: в работе разбиралась, за сделанное умела отвечать. Мои швы держались честно.

В первую ночь хозяйка задержалась возле тюфяка, пахнущего лавандой и мылом. Присела на мешок, заглянула в чемодан.

— Посчитаем, с чем ты пришла. Есть хоть на хлеб? — Она прижала ногой ведро и завязала мешок.

— Ноль дирхамов. Паспорт, слава богу, остался при мне: во внутреннем кармане платья. Артём даже до него не добрался. — Вытащив документ, проверила обложку и убрала обратно. — Но виза аннулирована. Через тридцать дней придётся вылететь, иначе стану нелегалкой. Инструмент в чемодане, цел. И профессия со мной. Этого у меня забрать нельзя.

У двери она обернулась. Считая швы на потолке, договорила:

— Значит так. Тридцать дней. За тридцать дней нужны деньги на билет, новый контракт, чтобы легализоваться, и…

Осеклась, натянув одеяло на плечо. Самую правдивую мысль пока трудно было произнести: уезжать хотелось меньше всего. Отъезд означал, что они выиграли. Через море приехала за любовью, а обратно возвращусь с пустым чемоданом, и Лея окажется права со своим «не тот уровень».

— Нет уж. Останусь, пока встану на ноги, Мириам. Пока верну своё — пусть вместо ковра это будет собственный вес.

Утро начиналось в пять. Пока Медина спала, мыла лестницы — узкие, крутые, с каменными ступенями, отполированными двумястами лет подошв. От холодной воды и щёлочи краснела кожа. К шести хлопали ставни, пахло хлебом и ослом, радио бормотало новости. Сидя на верхней ступени, вытиралась фартуком и слушала просыпающийся город. Здесь приходилось прятаться и искать спасения.

Постояльцев у Мириам было восемь: две швеи из Феса, студент, старик-переплётчик, семейная пара торговцев пряностями, девочка-каллиграф и ещё кто-то, приходивший по ночам. Про последнего хозяйка молчала, расспрашивать было неловко. Остальные платили за жильё, мне приходилось отрабатывать. Вечером, когда все расходились, тащила чемодан на крышу под сохнущее бельё, доставала пяльцы и работала.

Первым заказом стала починка. У девочки-каллиграфа был старинный бархатный чехол для инструментов, истёртый по углам до дыр; расплачивалась она по мелочи — лепёшками, монетками на чай. Потом переплётчик принёс расколотую тиснёную кожу с переплёта. Следом швеи понесли свои швы: теперь мне заказывали работу и отдавали заработанное. Монеты звенели на дне старой жестянки из-под чая, и этот звук хотелось слушать снова.

— У тебя золотые руки. Кто тебя учил? — На девятый день Мириам подошла к пяльцам, наклонилась над восстановленной кромкой переплёта.

Под её прищуром укладывала стежки. Так оценивают вещь у ювелира; похвала тут была ни при чём.

— Мама. Бабушка. Потом — мастерская при музее, Москва. Потом — жизнь. — Закрепив нить, повернула переплёт к свету и проверила натяжение. — Здесь тоже кое-чему учусь.

— Много ты поняла в жизни, раз сидишь тут. — Она фыркнула, убрала чашку и задержалась над швом чуть дольше нужного.

А по вечерам приходилось слышать их.

Верхние окна бывшего дома через двор выходили вровень с нашей крышей. В первый званый вечер — свадебный ужин для узкого круга — вышла сушить полотенца и застыла у верёвки. Из окна напротив, распахнутого в жаркую ночь, лился свет, доносились смех и звон посуды. Лея смеялась — этот ледяной, гладкий смех узнала бы из тысячи. Гости тихо вскрикивали от восторга. Кто-то произнёс тост, Артём вставил что-то охрипшим от вина и самодовольства голосом — все захохотали.

Сжимая полотенце, ловила брызги чужого веселья и слушала. Ждала, злясь на себя. Может быть, хоть раз, хоть в одной фразе он произнесёт моё имя.

За весь вечер оно так и не прозвучало — считала каждый тост. Они пили за «семью Сомов-Ковач», за «новый союз», за «коллекцию, которая перейдёт в достойные руки».

В достойные руки. Так резко закинула полотенце на верёвку, что едва не вырвала карниз.

— Они шумят. — Мириам принесла ужин, поставила на скамью и встала напротив светящегося окна. — Шумят. Скоро перестанут.

— Откуда вы знаете? — Отпустив верёвку, расправила слипшуюся ткань и обернулась к ней. — Там ведь праздник только начинается.

Она пожала плечами, отодвинула блюдо от прохода. Лицо — высохшее русло реки; её уверенность оставалось принять на веру.

— В Медине всё видно сверху, если жить на крыше. Двадцать лет смотрю сверху. Свадьбы шумят. Дела — нет. Тот, кто шумит на свадьбе, молчит, когда у него забирают склад. — Мириам сняла крышку с таджина и подтолкнула ко мне ложку. — Иди ешь. Остывший таджин — это оскорбление кухни.

Подсев к скамье, зачерпнула курицу с лимоном и оливками. Горячая, сладковато-кислая подливка обожгла язык; оказывается, умирала с голоду. Мыть полы за право спать на крыше — занятие, требующее калорий, а не стихов. С тринадцатого дня ела как в последний раз: сил должно было хватить на долгую войну.

Ночью четырнадцатого дня в лавандовой кладовой дошла очередь до двух вещей.

Сперва пересчитала содержимое жестянки. Мириам заглянула, собирая посуду, и дождалась, пока отложу монеты.

— Семьсот сорок дирхамов. До Москвы билет около шести тысяч. На визу, официальную работу — неизвестно сколько. Без спонсора никак. Шестнадцать дней осталось. — Закрыла жестянку, убрала под тюфяк. — Пойду предлагать то, что умею.

Потом достала десятилетнюю рабочую тетрадь с зарисовками швов, нитей, техник, открыла чистый разворот.

— На месть после полов сил едва хватит, Мириам. Лучше составлю список того, что умею, что стоит денег, и тех, к кому здесь можно пойти. Реставрация, атрибуция, экспертиза

тканей. Консультации коллекционерам. Подделки различаю лучше всего: их выдаёт шов. А шов никогда не врёт.

Последним пунктом вывела, почти не раздумывая: «Холдинг аль-Рашид. Коллекция. Контракт, который теперь на ней».

Долго смотрела на строчку, прижав карандаш к бумаге. Потом закрыла тетрадь, уложила на чемодан.

— Ладно, Лея. Забрала контракт. Забрала ковёр. Забрала жениха — с моими поздравлениями, к страшилищу оно пристроилось.

Разглядела трещинки на натруженной коже, осторожно разогнула пальцы.

— Но работать мне оставили чем. А этого пока достаточно.

За окном через двор смех стих за полночь. Засыпая, всё ещё перебирала слова Мириам: шумят только на свадьбах.

Дела начинаются потом. Тетрадь лежала рядом, под щекой. Завтра предстояло выбрать первый адрес.

Глава 4. Золотая клетка

На девятнадцатый день, в субботу, во двор Мириам въехала чёрная машина.

Драила пол внутри дома — на коленях, щёткой, как учила хозяйка: «от углов к центру, что бы тебе ни казалось». Услышав двигатель, оторвалась от мокрого камня. Медина — узкие улицы, машине обычно нет проезда; её впустили ради человека, который вправе заставить остальных подождать.

Вышли двое. Первый — огромный, молчаливый, с суровым лицом охранника — осмотрел вход и окна над галереей. Он заметил даже щётку у моего колена и след ведра. Второй вышел неторопливо; спутник освободил ему проход.

Высокий, лет тридцати пяти, в тёмном, простом до наглости костюме: на таких людях простота стоит дороже любого золота. Он шёл, а встречные уже отступали с его дороги. От его плотной власти расправила плечи; над мыльным ведром стало тесно дышать.

Мириам вышла навстречу и поклонилась, подобрав юбку. Пришлось моргнуть: поклонилась именно она. Перед собственным мужем вряд ли стала бы гнуть спину.

— Шейх Керим. Мы не ожидали. — Она распахнула створку и отступила под галерею.

— Знаю. Поэтому и приехал без предупреждения. Мне нужно увидеть одну женщину. — Он остановился у колонны, повернулся к мокрому полу; от низкого голоса захотелось выпрямиться.

Такому ленивому властному голосу хватило бы и шёпота: вокруг и так торопились. Встала с колен, отставила щётку, разгладила фартук: девятнадцать дней в нём пряталась моя гордость. Посмотрела ему прямо в глаза. Остальные отводили взгляд, даже Мириам.

Он смотрел в ответ. Долго, секунд пять; для человека его положения это немало. Он изучил пучок волос, красную от щёлочи кожу, фартук, чемодан у стены с торчащими из-под ремня пяльцами.

— Вера Дорохова. Реставратор. — Он назвал меня утвердительно, подошёл к лужице и остановился. — Вы делали работу на складе Сомова по контракту, который теперь числится за другим человеком. Видел атрибуции к четырём полотнам. Почерк узнаваемый.

— Вы разбираетесь в швах? — Вытерлась фартуком и отступила от ведра, позабыв вежливость.

Уголок его рта дрогнул: только такую насмешку он себе позволил. Найдя Мириам, развернулся к ней.

— Разбираюсь в людях, которые разбираются. Ты её не отпускаешь? Она твой работник?

— Она постоялица. Отпускаю. — Хозяйка опустила голову и убрала ведро с прохода.

— Вот и хорошо. Госпожа Дорохова. — Он вновь повернулся ко мне, приблизился на шаг и заслонил кухонную дверь. — Четыре года назад через склад Сомова прошла коллекция, которую собирались «почистить». Продать на вес. Ковры шестнадцатого и семнадцатого веков, тридцать шесть полотен. Их спасли. Экспертизу делала женщина с таким же именем, как у вас. Хорошо запомнил её заключение: семь страниц, где она защищала каждый шов, как адвокат в суде.

Ответ застрял в горле. Поскребла высохшее пятно, откашлялась.

— Это была я. Ещё в московской мастерской. Сомов прислал фото и образцы. Писала бесплатно, по ночам: услышала, что ковры вашего собрания пойдут под нож перекупщика, и села за стол. Есть вещи, которые злят до действия. Тогда требовалось спасти коллекцию. Заключение отправила через склад. Думала, до вас эти семь страниц так и не доберутся. И эти семь страниц вы сами прочли…

— Знаю. Поэтому здесь. — Керим отключил телефон и убрал в карман. — Положение у вас, как мне известно, — безденежье, виза, одиннадцать дней до конца срока. Предлагаю: кон-

тракт с холдингом. Работа — реставрация в моей домашней мастерской. Оплата — по верхней границе рынка, жильё — в моём рийаде, статус — официальный спонсируемый специалист, документы в течение трёх дней. Условие одно: пока идёт контракт, вы живёте на моей территории и не покидаете её без сопровождения.

Говорил коротко, отсекая торг по каждому условию. Спутник отошёл к воротам, встал у выхода.

— Не покидаю. То есть приезжаю в золотую клетку. — Сняла фартук, сложила на чемодане: обойдёмся без мыльных пятен.

— Да. Клетка. Золотая. Ключ останется у вас, но замок — у меня. — Он проводил взглядом сложенную ткань и вновь встретился со мной глазами. — Людей, работающих с моей коллекцией, защищаю от города, где их могут купить, напугать или украсть. Был свидетелем того, как у вас украли всё, что можно украсть. Так что цену вопроса вы теперь понимаете лучше многих.

Последние слова прозвучали суше; он на секунду сжал губы и поправил манжету.

— А если откажусь? — Отодвинулась к стене, упёрлась плечом в штукатурку: отсюда видны ворота.

— Тогда через одиннадцать дней буду покупать вам билет домой. Это тоже мой долг перед гостем страны, которой обязан порядком. Но подумайте до вечера. Вам, кажется, некуда идти, а мне давно некого ждать в этой мастерской. — После слова «мне» выдержал паузу, затем отступил, пропуская Мириам.

От последних слов вдоль спины прошелестело; прижалась плечом к стене. Хозяйка проводила гостя до автомобиля. У дверцы он обернулся — один раз, быстро — и оценил меня заново.

Девятнадцать дней меня жалели, любопытствовали, приценивались, что ещё забрать. Этот взгляд напомнил про фартук и мыло в волосах. Так давно мужчина смотрел с простым интересом, что и случая сразу не вспомнилось. Потом вспомнился Артём — правда, тогда он смотрел на приготовленный мной ужин.

Машина уехала. Мириам вернулась, села напротив на сундук, молча перебирая ключи.

— Знаешь, кто это? — Она убрала связку под фартук и подалась ко мне.

— Шейх аль-Рашид. — Отлипла от стены, забрала с чемодана фартук.

— Это человек, чей двор на весь Марракеш. Холдинг — треть торгового города. Коллекции — национальные. А сам он… сам он тихий. Самые опасные из всех — тихие. — Она подвинулась, похлопала по сундуку рядом. — За ним не ходят толпы, у него не орёт охрана. Он приезжает один и говорит три минуты — а потом весь город три месяца делает то, что велел. Ты понимаешь, во что влезаешь?

— Нет. Но ты сама видела, каково мне выбирать. — Села, расстелила ткань, потёрла ею костяшки. — Уехать с билетом за его счёт или остаться взаперти.

— У всех есть выбор. Просто у тебя цена выбора сейчас дешёвая. Это пройдёт. — Мириам встала, нависла надо мной и ткнула сухим пальцем в колено. — И вот тогда, вот тогда и смотри, на что соглашаешься. Слабому можно всё простить, он не знает, что делает. Сильной — ничего.

Вечером сидела на крыше с жестянкой. Семьсот сорок дирхамов. От шестнадцати оставшихся суток отняла ещё пять. Время шло, срок сокращался: одиннадцать дней.

— Золотая клетка. — Накрыла жестянку, наклонилась к лестнице на шаги Мириам. — Как у него там живут?

— Тут кормят. И у них мастерская, о которой наши старики рассказывают сказки. Я бы пошла. — Она остановилась на ступени, поправила в корзине бельё.

— Тебя бы никто не спросил. — Присела у парапета, подтянула чемодан с тетрадью.

— Вот именно. Тебя спросили. Не всякая клетка — тюрьма. Иногда это просто дверь, которую тебе открыли, а войти страшно. — Мириам прижала корзину к перилам, принялась развешивать полотенца.

До полуночи думала. Потом встала, вытащила тетрадь и под строчкой «Холдинг аль-Рашид» написала одно слово: «Да».

Поставила дату. Уже наступил двадцатый день.

Утром нашла хозяйку у белья, остановила возле стопки платков.

— Согласна, Мириам. Поеду к нему работать.

Она посмотрела, кивнула и принесла чужой, огромный, выстиранный добела платок. Развернула, набросила мне на плечи.

— Вот. Дорога пыльная. И запомни, девочка: в его доме — глаза вниз, язык за зубами и руки в работе. Ты ремеслом спасалась всю жизнь. Пусть и теперь спасает.

В полдень приехала машина. Хасан, как назвала его Мириам, открыл дверь — молча, вежливо глядя поверх головы. В последний раз оглянулась на двор, на бельё на верёвках, на узкую полоску неба над Мединой.

Клетка, так клетка. Зато с шёлком внутри.

Села на прохладную кожу сиденья. Хасан закрыл за мной дверь с тем же окончательным звуком, что и та, свадебная.

Прижала тетрадь к груди, развернула страницу с согласием. Моё «Да» стояло; его условий ещё предстояло дождаться. За крышами поднимался верхний этаж дворца. В окне темнела неподвижная фигура.

Глава 5. Первый ковёр

Рийад Керима аль-Рашида не был похож на дворец. Это был город внутри города: три двора, фонтан с холодной водой, галереи с резными потолками, и повсюду — тишина. Та особенная, тяжёлая тишина, где прислуга приучена не существовать.

Меня поселили в просторной светлой комнате на втором этаже над апельсиновым двором. В первый же вечер проверила резную дверь: снаружи она не запиралась.

— Замок здесь не нужен. — Девушка обернулась, опустила поднос. — Дворец закрыт. Никто не войдёт.

Никто не войдёт. Никто и не выйдет. Про себя перевела точно.

Мастерскую мне показали на второй день — и вот тут дыхание перехватило по-настоящему: пришлось остановиться на пороге.

Она занимала целый павильон у малого двора: длинные столы под стеклом, стеллажи с образцами нитей, стойки с пяльцами всех размеров. Верхний рассеянный свет падал так, что на полотне не оставалось ни одной тени. На дальней стене висели инструменты, прежде знакомые мне только по фотографиям в каталогах: старинные ножницы, иглы из кости и стали, веретёна трёх эпох.

А в центре, на отдельном столе, под белой тканью, лежало что-то большое.

— Это вам. — Керим вошёл без предупреждения; выпрямилась, отложив лупу. — Смотрите.

Отвела ткань и замерла, так и держа отогнутый угол.

Ковёр был мёртвый. Его погубила чужая работа, а возраст лишь довершил разрушение.

— Шестнадцатый век, судя по плотности и пряже. Шерсть горная, красители настоящие: кошениль и индиго. — Опустила покрывало, подвинула лампу. — Но вода, время и вот этот варварский «ремонт»… Видите подлепки машинной нитью? Вразнобой, как солдат в походе чинил. Они довершили остальное. Края истлели, середина пока держится. А узор — медальон с тридцатью двумя лепестками — только наполовину удаётся прочитать.

— Ему четыреста пятьдесят лет. — Керим подошёл к столу, склонился над ковром. — Мой прадед купил его, дед испортил «реставрацией», отец убрал на склад. Я вытащил его оттуда десять лет назад и с тех пор ищу человека, который скажет мне правду: можно его спасти или нет. Без вежливого «можно», за которым стоит страх отказать. Без осторожного «нельзя», чтобы снять с себя ответственность. Мне нужна правда.

— Правду вы услышите не сегодня. — Расправила покрывало, отодвинула его от ковра. — По одному осмотру — ничего. Мне нужен месяц: пробы, промывка образцов, исследования под увеличением…

— У вас есть месяц. И есть всё, что нужно. — Он обвёл мастерскую жестом, подошёл к стеллажу. — Всё, чего не хватает, — скажите Хасану. Если чего-то не хватает в Марракеше — скажите мне.

Он повернулся уходить. Сама не зная зачем, окликнула его:

— Шейх. Почему я? В городе есть мастера. Есть и европейцы на контрактах.

Он остановился в дверях, повернулся ко мне. Свет из двора лежал на его плечах, лицо осталось в тени.

— Потому что четыре года назад вы написали семь страниц в защиту чужих швов, даже не зная, прочтёт ли их кто-нибудь. Так работают или влюблённые в своё дело, или безумцы. И то и другое я ценю. — Он задержался на пороге, посмотрел через плечо. — А ещё, госпожа Дорохова, потому что я ваш должник.

— Вы мой должник? — Отложила покрывало, растерянно огляделась.

— Вы спасли мою коллекцию. Теперь я спасаю вас. Так мы в расчёте.

Он вышел, и в мастерской снова стало тихо.

На третий день Хасан принёс папку с новым оформлением, разложил бумаги рядом с паспортом.

— Спонсор теперь холдинг. Срок подтверждён, работа оформлена. Проверьте имя здесь и здесь.

— И копия договора здесь? Хасан, подождите, пожалуйста. Хочу прочитать всё, до последней строчки. Раньше отдавала бумаги Артёму: он разберётся, он лучше знает, зачем тратить время. Теперь даже собственное имя проверю дважды. Скажите, эта папка останется у меня?

— Конечно. — Он развернул папку ко мне и отодвинул от неё стакан. — Здесь ваш экземпляр. Читайте спокойно, никто вас не торопит. Понадобится объяснение — позову того, кто оформлял. Подпись за вас никто ставить не будет.

— Вот это мне и нужно. Чтобы сначала прочитать, потом решить и самой подписать. Понимаете, инструменты удалось забрать, профессию у меня тоже отнять нельзя. А возможность остаться здесь зависела от чужого росчерка. Больше так не хочу. Даже если человек обещает обо всём позаботиться, мой договор должен лежать у меня, а не у него в столе.

Сверила каждую букву имени, затем прошла по всем страницам. Убрала документы в застёгивающееся отделение чемодана. Впервые со дня свадьбы можно было проснуться, не вычитая ещё одни сутки из оставшегося месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.